

О СОСТАВЕ ФОНЕМ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», parsieva.larisa@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы, влияющие на определение состава фонем в осетинском языке; приводятся теоретические основания, строящиеся на понимании фонемы как группы звуков, обладающих определенной общностью артикуляторно-слуховых свойств и функционально не противопоставленных друг другу. Рассматривается вопрос о придыхательных согласных в осетинском языке, о фонологической правомерности выделения четвертого ряда смычных. Дается подробный анализ трудов выдающегося ираниста XX века В.И. Абаева, посвященных проблемам осетинской фонетики и фонологии. Авторы приходят к выводу о том, что в осетинском языке придыхательные смычно-гортанные и лабиализованные заднеязычные согласные являются позиционными вариантами соответствующих согласных; что в осетинском языке нельзя говорить о фонологическом статусе или наличии дифтонгов или трифтонгов. Подвергается критическому анализу и имеющаяся в исследованиях некоторых авторов классификация фонем осетинского языка, в нее вносятся существенные корректировки.

Ключевые слова: фонема, осетинский язык, придыхательные согласные, смычно-гортанные согласные.

ON THE COMPOSITION OF THE PHONEMES IN THE OSSETIAN LANGUAGE

Gatsalova L.B., Parsieva L.K.

State educational establishment of higher professional education «North Ossetian State University» named after Kosta Levanovich Khetagurov, (Vladikavkaz, Russia 44-46 Vatutina Street, 362025), e-mail: parsieva.larisa@mail.ru

This article discusses issues that affect the determination of the composition of phonemes in the Ossetian language; provides the theoretical foundations that are built on an understanding of the phoneme as a group of sounds that have a certain commonality of articulators-auditory properties and functionally opposed to one another. The question of the aspirated consonants in the Ossetian language, phonological legality of the allocation of the fourth series of stops. We give a detailed analysis of the outstanding works of the twentieth century iranist V.I. Abaev devoted to the problems of the Ossetian phonetics and phonology. The authors conclude that in the Ossetian language aspirated occlusive-laryngeal and velar consonants labialized are positional variants corresponding consonants; that in the Ossetian language can not talk about the phonological status, or the presence of diphthongs or triphthongs. Subjected to a critical analysis of the available studies and some authors classification of phonemes of the Ossetian language, it made significant adjustments.

Keywords: phoneme, the Ossetian language, aspirated consonants, occlusive-guttural consonants.

Выявление состава фонем в языковой системе зависит от отношения к понятию «фонема». Концептуальные модификации теории фонемы в плане определения места и роли материально-субстантной реальности в фонологическом содержании фонемы могут носить отчасти терминологический характер, отчасти быть обусловлены чисто практическими целями подхода к пониманию фонемы. В основе каждой точки зрения на фонему лежит эксплицитное или имплицитное понимание таких важных общелингвистических проблем, как язык и речь, парадигматика и синтагматика, языковая единица, дискретность, контраст, оппозиция и т.п.

Многие лингвисты придерживаются той точки зрения, что, подобно тому, как фонология отличается от классической фонетики введением в чисто антропофонические понятия функционального элемента, так и фонема отличается от звука тем, что имеет определенные функции. Мы придерживаемся следующего понимания сущности фонемы:

1) в речи в качестве кратчайших звуковых единиц выделяются и разграничиваются отдельные звуки, служащие основой фонетического строения слов;

2) звуки речи как материальные строевые объекты языка отвлекаются от всего конкретного, обусловленного ритмико-интонационными особенностями предложений и индивидуальными речевыми характеристиками говорящих. Это отвлечение следует из самой сущности языка как средства общения;

3) выделение и разграничение звуков речи осуществляется, во-первых, благодаря смене в артикуляторных движениях и укладах и в соответствующих им слуховых впечатлениях; во-вторых, благодаря звуковым различиям в строении слов, позволяющим различать слова и их грамматические формы и тем самым создающим функциональную противопоставленность звуков друг другу. Эта противопоставленность возможна вследствие известной самостоятельности звукового качества, проявляемой в нахождении разных звуков в одинаковом фонетическом положении. Таким образом, выделение и разграничение звуков речи осуществляется одновременно на артикуляторно-слуховой и функциональной основе;

4) звуки речи как кратчайшие строевые единицы слов объединяются и образуют более крупные единства. Это объединение происходит на основе артикуляторно-слуховой общности и отсутствия функциональной противопоставленности разных звуков друг другу.

Отличающиеся друг от друга звуки, функционально не противопоставленные, то есть не встречающиеся в одинаковом фонетическом положении, но обладающие определенной артикуляторно-слуховой общностью, образуют группы звуков, обобщаемые как звуковые типы. Каждый звуковой тип является тем общим, которое существует через отдельное и в отдельном, то есть в звуке, в его обусловленном позицией качестве. Принадлежащие к данной группе звуков и к соответствующему звуковому типу отдельные звуки противопоставляются звукам, образующим другие группы звуков и соответствующие им типы, то есть могут находиться в одном, общем для них фонетическом положении и различать слова и их формы. Тем самым различные группы звуков и, соответственно, различные звуковые типы функционально противопоставлены друг другу [10: 18-20].

Таким образом, фонема – это группа звуков, обладающих определенной общностью артикуляторно-слуховых свойств и функционально не противопоставленных друг другу. Звук – это фонема в конкретном положении в структуре слова.

Перейдём к выявлению состава фонем в осетинском языке.

Звуковой строй осетинского языка, который начал изучаться еще в XIX веке А.М. Шегреном и Вс.Ф. Миллером, подвергся глубокому анализу в XX веке. Опираясь на труды своих предшественников, третий крупнейший представитель осетиноведения – В.И.Абаев – делает ряд важных открытий в области фонетики и фонологии осетинского языка, на которых нам хотелось бы коротко остановиться.

В своей работе «Четыре ряда смычных согласных в осетинском» В.И. Абаев приходит к выводу о том, что в осетинском языке существует четыре ряда смычных согласных:

- 1) ряд звонких;
- 2) ряд глухих придыхательных;
- 3) ряд смычно-гортанных;
- 4) ряд глухих непридыхательных.

Согласные четвертого ряда встречаются, по мнению В.И. Абаева, после глухих спирантов [с], [х], [ф] и в так называемой геминии. «Всякий геминированный (долгий) смычный есть смычный 4-го ряда. Геминированный звонкий или геминированный придыхательный невозможны в осетинском» [1: 516].

В 20-е годы, когда была высказана идея о существовании четвёртого ряда смычных согласных, только начали закладываться основы такой новой науки, как фонология. Поэтому В.И. Абаеву было трудно, а точнее, невозможно определить сущность выявленных им единиц и чётко сказать, звуки это или же отдельные фонемы. В.И. Абаев говорит об их статусе очень неопределенно: «Согласные 4-го ряда не могут быть названы в осетинском фонемами в полном смысле. Это ясно уже из того, что все когда-либо существовавшие алфавиты обходились без их обозначения. Тем не менее, можно подобрать несколько случаев, где наличие или отсутствие придыхания имеет смысловозначительное значение, напр. *хæсты* «в долгах» и *хæсты* «на войне», *хъазты* «гусей» и *хъазты* «на пляске» и др.» [1: 517].

Этот вопрос проблематичен не только для осетинского языка. «Хорошо известно, – пишет Дж. Гринберг, – что для некоторых классов звуков не удалось выработать непротиворечивого, заслуживающего всеобщего признания критерия, который бы давал возможность решить вопрос о том, имеем ли мы дело с сочетанием или с последовательностью фонем с отличием от отдельной фонемы. Так, в языках с фонемным противопоставлением аспирированных и неаспирированных согласных решение вопроса о том, имеем ли мы дело с отдельной фонемой, например, /ph/, или с сочетанием /ph/, зависит от соображений симметрии или «модели» звуковой системы вообще, что часто ведёт к различным решениям вопроса даже в пределах одного и того же языка» [5: 43-44]. Дж. Гринберг полагает, что в таких случаях совершенно необходимо остановиться на том или ином решении, хотя бы и произвольном, и последовательно применять его в процессе анализа.

Рассматриваемые последовательности согласных хорошо определены в классической работе по фонологии Н.С.Трубецкого, они характеризуются соответственно как «произведенные одним артикуляционным движением или посредством последовательного разъединения артикуляционного комплекса» [11: 58].

Данный вопрос был успешно разрешен В.С. Соколовой. Фонетическая природа глухих придыхательных представляется в её работе совершенно ясно: «Это всегда глухой сильный

смычный, имеющий после взрыва до начала гласного придыхание, т.е. шумный выдох воздуха». И далее: «Такой тип артикуляции постоянен в положении перед гласными в начале слова, между гласными в середине слова и после гласного в исходе слова («t'ag» мрак, «p'ес» печь, «th'ера» мелкая рыба, «mit'» снег). Такая же артикуляция нормальна и для положения глухого смычного после сонорных согласных» [9: 37-38]. Таким образом, глухие придыхательные после сонорных согласных выявляются так же, как после гласных. После шумных согласных придыхательные смычные теряют свою придыхательность. Это может происходить не только после глухих щелевых, на что указывали В.И. Абаев и Г.С. Ахвледиани, но и после любого шумного согласного. Кроме того, что придыхательность может сохраняться даже после шумных, если стечение согласных возникло в результате живого слияния слов, исходные формы которого еще живо ощущаются. Например: *фыдконд* – «дурно сложенный»; *фыдкой* – «дурная молва»; *хæрзконд* – «хорошо сложенный». Придыхательность сохраняется и при наличии противоположного парного слова, например: *стаерын* – «загнать вверх», *стаерын* – «лизать».

Так как придыхательные смычные теряют придыхание только в определенном положении, и нет четкого симметричного противопоставления по признаку «аспирированный/неаспирированный», при котором бы аспирация имела смыслоразличительное значение, то придыхательные смычные, на наш взгляд, нельзя выделить в отдельные фонемы. Они являются позиционными вариантами соответствующих придыхательных.

Следующим принципиальным вопросом осетинской фонологии является проблема смычно-гортанных согласных. Известно, что эти звуки чужды индоевропейским языкам, в частности, иранским. «Но два индоевропейских языка, с давних пор бытующие на Кавказе, имеют систему согласных, в которую смычно-гортанные входят органическим и стойким элементом: армянский и осетинский. Естественно полагать, что наличие специфических "кавказских" согласных в этих языках объясняется тем, что и армянский, и осетинский языки формировались на субстрате кавказских языков» [1: 518].

В.И. Абаев обратил внимание на то, что смычно-гортанные согласные не имеют в осетинском такого массового, пронизывающего всю фонетическую систему языка распространения, как в армянском. «Если там смычно-гортанные выступают как закономерные субституты определенных индо-европейских согласных (индоевроп. g – арм. k', индо-европ. d арм. t' и т.д.), то в осетинском о такой последовательной субституции нет и речи» [1: 518-519].

Со временем, с увеличением числа слов, содержащих смычно-гортанные согласные, эти звуки стали приобретать смыслоразличительное значение, то есть превратились в фонемы осетинского языка.

С теорией кавказского субстрата распространилась мысль о двуприродности осетинского языка. Например, Г.С. Ахвледиани пишет, что, «переняв звуковой строй кавказских языков», осетинский язык фонетически «окавказился», хотя затем всё же приходит к выводу: «Несмотря на близость фонетического строя осетинского языка к грузинскому, разница между ними довольно заметная» [2: 140-141].

Определённое говорит об этом В.И. Абаев, полагая, что осетинский язык подвергся «фонетической ассимиляции», уподобился кавказским языкам, и что «общие элементы у осетинского с окружающими кавказскими языками ни в коем случае не покрываются термином «заимствование», они затрагивают самые глубокие и интимные стороны языка и свидетельствуют о том, что осетинский во многих существенных отношениях продолжает традиции местных кавказских языков, совершенно так же, как в других отношениях продолжает традицию иранскую» [1: 112].

Из этих высказываний напрашивается вывод о том, что с усвоением осетинским языком так называемых «кавказских звуков» фонетическая система осетинского языка сблизилась с фонетической системой кавказских языков. Рассмотрим данный вопрос в структурно-целевом аспекте.

В ряду важнейших свойств звуковой речи первое место отводится её способности быть средством, с помощью которого язык реализует в обществе свою главную, коммуникативную функцию. В связи с тем, что назначение языка определяется функцией общения, коммуникации, к природе речи, и, в первую очередь, к системе и организации, предъявляется требование обязательного соответствия оптимальному выполнению языком этой функции. В рамках целевой концепции не функция становится в зависимость от системы и организации, а система и организация в зависимость от функции. Язык функционирует не потому, что он система, а, наоборот, он является системой, чтобы выполнять свою функцию и соответствовать определенной цели.

С точки зрения такого функционально-системного подхода, свойства каждого элемента определяются не только его собственным содержанием, но и суммарным результатом воздействия всех элементов системы в целом. Отсюда и функцию можно определить как такое отношение части к целому, при котором само существование или какой-либо вид проявления части обеспечивает существование или какой-либо вид проявления целого.

Распространяя данное положение на систему звуков речи, приходим к следующим выводам:

1. Функция речевой единицы зависит не только от собственного содержания, системообразующих свойств этой единицы, но и от нового содержания, полученного в результате взаимодействия с окружающими единицами, то есть от системоприобретенных свойств.

2. Функция каждой единицы речи должна быть направлена на достижение конечной цели всего системного образования.

3. Зависимость функций от системоприобретенных свойств единицы позволяет охарактеризовать степень воздействия на неё окружения и местоположения, то есть позицию единицы среди других единиц.

Ни одна вещь не существует вне системы. Признаки, свойства и качества вещи формируются в рамках системы. Переход из одной системы в другую влечет за собой изменение старых и приобретение вещью новых свойств и качеств. Поскольку всякая связь является взаимосвязью, то это означает, что на одном и том же субстрате могут быть построены, по крайней мере, две системы, отличающиеся друг от друга направлением связей между элементами. Так, например, объект *a* связан с *b*, и если они составляют одну систему, то и объект *b* связан с *a*, и это может быть другой системой. Однозначность объектов не определяет однозначности системного рассмотрения. Таким образом, перейдя из кавказских языков в осетинский, смычно-гортанные звуки не могли оставаться неизменными, так как они попали в совершенно другую систему, в которой свои правила и законы. Исходя из этих соображений, мы пришли к выводу о том, что, несмотря на почти одинаковый звуковой состав, фонологические системы осетинского и грузинского языков различны.

В.И. Абаеву принадлежит и исследование о появлении в иронском диалекте осетинского языка новых фонем-аффрикат *ч, дж, чь*. В статье «150 лет жизни одного языка» В.И. Абаев пишет, что эти фонемы возникли благодаря палатализации задненёбных простых смычных *к, г, къ* перед гласными *и, е, ы*. Тогда же, по мнению В.И. Абаева, произошла и замена начального *æ* в иронском гласным *ы*. [1: 509-511].

В.И. Абаев впервые разделил осетинские гласные на «сильные» и «слабые», исторически восходящие к долгим и кратким, которые четко противопоставлялись друг другу в древнеиранском и отличались степенью протяжённости. В среднеиранском это деление сохранилось. В большинстве же современных иранских языков, в том числе и в осетинском, количественное противопоставление перешло в качественное. Осетинские сильные – *а, о, и, у, е*; слабые – *æ, ы*. Сильные восходят к исторически долгим, слабые – к исторически кратким.

Авторы перечисленных работ не пришли к единому мнению в вопросе о классификации фонем осетинского языка. Например, в «Очерке фонетики осетинского языка» М.И. Исаева звук [æ] классифицируется как гласный среднего ряда нижнего подъёма [6: 30]. В «Грамматике...» он представлен как гласный среднего ряда среднего подъёма [4: 41]. В «Очерках по фонетике иранских языков» В.С. Соколовой этот же гласный позиционируется между средним и нижним подъёмами в среднем ряду [9: 14-16].

Спорным является и вопрос о количестве фонем в осетинском языке. До сих пор не решен вопрос о так называемых лабиализованных согласных и о дифтонгах в осетинском

языке. В результате фонологического анализа, проведенного в том числе и с помощью дистрибутивных методов [7, 8], мы пришли к выводу о том, что в современном осетинском литературном языке (иронский диалект) 36 фонем: 7 гласных и 29 согласных; в составе фонем осетинского языка нет ни лабиализованных согласных, ни дифтонгов или трифтонгов, о которых пишется в «Грамматике осетинского языка» [4: 47] и книге Н.К. Багаева «Современный осетинский язык» [3: 30].

Список литературы

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. – М.; Л., 1949. – Т. 1.
2. Ахвледиани Г.С. Сборник избранных работ по осетинскому языку. – Тбилиси, 1960.
3. Багаев Н.К. Современный осетинский язык. Ч. 1. – Орджоникидзе, 1965.
4. Грамматика осетинского языка / Под ред. проф. Г.С. Ахвледиани. – Орджоникидзе, 1963. – Кн. 1.
5. Гринберг Дж. Некоторые обобщения, касающиеся возможных начальных и конечных сочетаний // Вопросы языкознания. – 1964. – № 4. – С. 43-44.
6. Исаев М.И. Очерк фонетики осетинского языка. – Орджоникидзе, 1959.
7. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Дистрибутивный анализ фонемы /кь/-/к/ в осетинском и чеченском языках // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2.
8. Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б., Мартазанов А.М. Особенности звукового строя русского, осетинского и нахских языков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2014. – № 9 (ч. 2).
9. Соколова В.С. Очерки по фонетике иранских языков. – М.: АН СССР, 1953. – Ч.2.
10. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1953.
11. Troubetzkoy N.S. Sur la “Morphologie”, TCLP, 1929.

Рецензенты:

Хугаев И.С., д.фил.н., ведущий научный сотрудник ФГБУН Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-Алания, г. Владикавказ.

Калабекова Л.Т., д.фил.н., зав кафедрой иностранных языков для гуманитарных факультетов ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ.